

Селеменова Ольга Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного русского языка
и методики его преподавания, докторант
Елецкого государственного университета
им. И.А. Бунина
тел.: (47467) 6-07-03

СОСТОЯНИЯ ПРИРОДЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА XX В.

Аннотация:

В статье автор останавливается на анализе способов вербализации состояний природы различными лексико-грамматическими разрядами слов и типами простых предложений русского языка. Новизна данной работы определяется классификацией состояний природы на основании двух аспектов: способе получения информации о состоянии и способе его проявления. Актуальность исследования обусловлена интересом лингвистов к способам взаимодействия человека и мира природы, характерных для русской культуры и выраженных в русском языке.

Ключевые слова:

русская языковая картина мира, состояние природы, наблюдатель, перцепция, метафора, антропоморфизм.

Selemeneva Olga Alexandrovna

Candidate of Philology, associate professor of
the chair of modern Russian language
and methodic of its teaching, post-doctoral researcher,
Elets State University
named after I.A. Bunin
tel.: (47467) 6-07-03

STATES OF NATURE IN RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF WORLD OF XX CENTURY

The summary:

The author dwells on the analysis of how different states of nature verbalizing lexical and grammatical classes of words and types of simple sentences of the Russian language. The novelty of this work is determined by the nature of the classification of states based on two aspects: how to obtain information on the status and mode of its manifestation. Actuality of the study due to the interest of linguists to the ways of interaction between man and the natural world, characteristic of Russian culture and expressed in the Russian language.

Keywords:

Russian linguistic picture of world, state of nature, observer, perception, metaphor, anthropomorphism.

Интересными фрагментами национальных языковых картин мира являются те, что связаны с описанием природы и ее различных состояний. Отечественные лингвисты, пытаясь охарактеризовать способ восприятия и взаимодействия человека с миром природы, свойственный русской культуре и выраженный в русском языке, отмечают, что русские часто говорят о состоянии земной поверхности, атмосферных явлениях, специфике времен года [1].

Различные природные состояния репрезентируются в русском языке целой совокупностью средств: словами категории состояния, безличными глаголами, личными глаголами в безличном употреблении, формами личных глаголов, именами прилагательными, причастиями, именами существительными: *безветренно, безветрие, буря, влажно, вечереть, вызвездить, звездно, зелено, зной, изнемогающий, морозить, насыщен, ненастье, облачно, пасмурно, покрыт, прохладно, пурга, росисто, серо, снежно, темно, теплеть, тихо, тьма, черно, штормить, штилеть, ясно* и другие. **Например:** Вокруг было *тихо*, слышался мирный стрекот кузнечиков (Быков. Болото); *Смеркалось* (Шолохов. Тихий Дон); Все *дремало*, наслаждаясь своей дремотой, только соловей томился своей сладкой песней (Бунин. Заря всю ночь); Река, задержанная плотиной, была широка и *неподвижна*, как большой пруд (Куприн. Поединок); *Зной, тишина* (Паустовский. Золотая роза) и другие.

Безличные глаголы, личные глаголы в безличном употреблении и слова категории состояния формируют ядро особого типа синтаксических конструкций – безличных предложений, которые, представляя различные состояния природы, не расчленяют изображаемую ситуацию на составные элементы, а выражают ее «глобально, отмечая протекание события в определенный момент» [2, с. 59]. **Например:** Тучи разошлись, проглянуло солнце, и *сразу стало очень жарко* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Понемногу смеркается* (Пришвин. Кащеева цепь) и т.п.

Наряду с безличными предложениями знаками состояний природы способны выступать односоставные номинативные и двусоставные предложения. **Например:** – *Ужаснейший холод!* – подхватил Яков Петрович. – Ведь тут хоть волков морозы! Смотри... Хх! Пар от дыхания видно! (Бунин. В поле); *Низкорослый лес на обрывах и скатах* был редок, *дремал* и скупно ронял мелкие желтые листья (Бунин. Маленький роман); Сюда нужно добираться вплавь или, *когда море спокойно*, карабкаться по уступам, опускаясь до колен в воду и ступнями нащупывая порожки (Дружников. Виза в позавчера) и другие.

Номинаруемые разноуровневыми языковыми единицами состояния природы можно дифференцировать на группы с учетом двух аспектов: 1) способа получения информации о состоянии и 2) способа проявления состояния.

Способ получения информации о состоянии природы позволяет, прежде всего, выделить состояния, определяемые на основе данных органов чувств Наблюдателя (осознания, зрения, слуха, обоняния). **Например:** А к вечеру сильно *похолодало* (осознание), и валенки сделались твердыми, как камень (Глущенко. Кириллыч); Океан все *штилиет*... (зрение) (Бунин. Воды многие) и т.п.

Среди предикатов, кодирующих такие «перцептивные» состояния природы, особо выделяются те, которые имеют комплексную семантику, совмещают в себе значения ‘состояние природы’ и ‘физиологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)’. Они отражают не элементарную, а сложную ситуацию, в которой сопряженные семантические элементы являются равноправными, функционирующими в речи как созначения, в зависимости от ситуативного контекста. Такие предикаты называются *синкретами* [3, с. 35–36]: *жарко, холодно, тепло, прохладно, душно*. **Например,** ср.: И только зимой, в холода, *Сене* становилось *жарко*... (Залыгин. Мистика) (жарко герою, Сене). – *В воздухе жарко* и влажно от земли (Бакланов. Пядь земли) (жарко в воздухе, он сильно нагрет) и т.п.

Помимо перцептивных состояний, по способу получения информации о состоянии выделяем вторую группу – метафорические состояния, существование которых обусловлено восприятием окружающего мира по аналогии с принципами структурирования человеком форм собственного организма: *болеть, дремота, дремать, изнеможение, истома, мертветь, мутить, оживать, пробудиться, проснуться, пьяный, томный, тошнить* и т.п. **Например:** Земля *спала* под теплым одеялом... (Пришвин. Кашеева цепь); Деревья, окутанные в свои белые ризы, *дремали* в неподвижном величии (Куприн. Чудесный доктор) и другие. Подобный метафорический перенос «состояние человека – состояние природы» не случаен: когда-то антропоморфная метафора являлась частью древнего механизма восприятия и репрезентации действительности в ментальном пространстве человека, одним из качеств мифологического сознания [4; 5; 6]. Несмотря на то, что наше сознание значительно отличается от сознания древнего человека, на то, что мы давно осуществили переход от мифологической его формы к научно-рационалистической, персонификация является «необходимым психологическим свойством личности», опирающимся на понимание общности и неразрывности «живой и неживой материи» [7, с. 4]. Олицетворение помогает человеку понимать и чувствовать окружающий мир, совершенствовать интеллектуальную и эмоциональную сторону личности [8, с. 29].

В русской языковой картине мира XX в. одним из таких «антропоморфных» и регулярно вербализуемых состояний природы является *состояние сна*: зимой земля со всеми располагающимися на ней объектами «спит», находится в состоянии покоя, а с приходом весны природа приходит в движение. **Например:** *Низкорослый лес на обрывах и скалах* был редок, *дремал* и скупно ронял мелкие желтые листья (Бунин. Маленький роман); Река текла широко. *Пробуждается природа*, – говорила поэтически Софи, и дамы соглашались (Добычин. Город Эн) и т.п. Такое преодоление зимней стагнации в мифологии восточных и отчасти южных славян осмыслялось как «пробуждение» природы, ее «воскрешение» [9, с. 40, 73].

С точки зрения второго классификационного критерия – *способа проявления* – природные состояния также не представляют однородной группы. Мы обнаруживаем среди них *световые* состояния (светло, светлеет, светает, темно, темнеет, темнота и под.); *цветовые* (алеет, бело, белеет, желто, зелено, зеленеет, краснеет, розово, розовеет, чернеет и под.); состояния, проявляемые *запахами* и *веяниями* (душисто, пахнет, веет, ветрено, дует, тянет и под.); *изменением температуры* (жарко, знойно, морозно, прохладно, морозит, свежеет, теплеет, холодает, теплынь, жара, зной, мороз и др.); *звуками* или их *отсутствием* (ахает, безмолвие, бухает, гремит, гроыхает, затишье, немо, тихо, тишина, шумит и под.); *покрытием* (вызвездит, грязно, заболочено, заволакивает, заметает, звездно, облачно, подморозит, покрывает, росисто, снежно и под.); *наполнением* (безлюдно, дымно, мокро, пусто, пустынно, свободно, пустота и под.); *движением* (накрапывает, неподвижно, метет, моросит, оцепенело, порошок, снежит и под.). **Например:** В горах опять тяжело *прогремело* (Паустовский. Кара-Бугаз) (проявление звуками); Солнце только что скрылось, еще *светло*... (Бунин. Алупка) (проявление светом); *Пахло* илом, прелой хвоей и пресным бархатисто-мягким запахом дождя (Шолохов. Тихий Дон) (проявление запахами); Ты куда? *Чичер, холод* – а она, на-кося! С мальчишками на пруд! (Бунин. Танька) (проявление изменением температуры); В лесу чуть *синело* (Симонов. Живые и мертвые) (проявление цветом); Был небольшой мороз, тихо, *звездно* (Панова. Кружилиха) (проявление покрытием); На улице здорово *мело* (Яковлев. Баваклава) (проявление движением); И было *вет-*

рено; по двору на свет большого желтого фонаря летели листья (Домбровский. Факультет ненужных вещей) (проявление веянием) и другие.

Традиционно основными внешними органами чувств человека считаются слух и зрение [10, с. 87]. Поэтому среди «активных» групп состояний природы нами отмечены *цветовые* и *звуковые*. Возможность приложения цветовых атрибутов к природному пространству в целом или его части обеспечивается легкостью их переноса на всевозможные объекты. В русской языковой картине мира XX века самыми «востребованными» цветовыми состояниями являются такие градуальные состояния, как *бело* (*белеет*) и *черно* (*чернеет*), реже встречается «окрашивание» природных состояний в иные цвета: *серый, золотой, зеленый, синий, голубой*, цвет *ржавчины, красный, розовый*. Каждое цветовое состояние «закреплено» за определенным временем года, суток, сезонными природными изменениями. Так, *черно, чернеет* ассоциируется с ночью, тьмой; *бело, белеет* – светом, днем, снежным покровом; *серо, сереет, золотеет, желто, желтеет, ржавеет* и под. – с осенним увяданием, подготовкой к зимнему сну всего природного мира; *зелено, зеленеет, сине, синеет, краснеет, розово, розовеет* и под. – с летом, наступлением нового дня, переходом от тьмы к свету, созревaniem плодов, пробуждением, торжеством жизни. **Например:** Но в тайге не так *черно*, как тут (Горбатов. Донбасс); *Белым-бело*. За склоном горы чуть тише (Черкасов. Конь Рыжий); В море начинает *белеть*, – в море рассветает виднее, – но горы еще ночные, в долинах – мгла (Шмелев. Солнце мертвых); Летом – *зелено*, но не цветисто, и колюча дорожная пыль (Слонимский. Андрей Коробицын); Леса на берегах уже *ржавели, золотели* (Паустовский. Бег времени); ...Солнца еще не было, но было уже совсем светло и *розово* (Бунин. Жизнь Арсеньева) и т.п.

Звуковые состояния природы в русской языковой картине мира XX века могут быть дифференцированы на несколько групп:

1) состояние, основанное на имитации звуков, издаваемых живыми существами (животными, человеком, птицами) (*ахать, взвизгивать, вздохнуть, ворчать, выть, реветь, свистеть, стонать, ухать, шипеть* и другие): И с тех пор уже ни на одну минуту не утихала эта страшная гроза. И днем, и ночью, и под землей, и на земле, и в воздухе – гремело, рушилось, *свистело, шипело, взвизгивало*, трещало, *стонало, ухало...* (Пантелеев. Ленка Пантелеев);

2) состояния природы, основанные на аналогии со звучанием, издаваемым неодушевленными предметами (в том числе и при манипуляциях с ними человека) (*бить, бухать, греметь, громохатать, грохнуть, грохотать, гудеть, kloкотать, стрелять, стучать, трещать, ударять, хрустнуть* и другие): При светлом небе *громохало* неподалеку, и находил на лес пасмурный свет – только какая-нибудь сосна вспыхивала под одиноким лучом (Коваль. Гроза над картофельным полем);

3) звуковые состояния с недифференцированным звучанием (*гулко, звонко, шумно, шуметь*): ...Там, где осиновая роща, предостерегающе *зашумело* (Ляленков. Просека). Затрудняясь диагностировать и «закрепить» в глагольной лексеме способ звучания, Наблюдатель с целью уточнения в подобных высказываниях использует указание на причину «шумового» состояния, называет источник звука: В кедровнике было *шумно от стука барцев, от говора и смеха* (Марков. Строговы);

4) представляющие отсутствие звучания (*глухо, немо, тихо, тишина*): *Тихо* было кругом... (Залыгин. Комиссия).

Состояния четвертой группы, представляющие отсутствие звучания, частотны в национальной картине мира XX в. (более 10 % высказываний от всей авторской картотеки, объемом около 3 500 примеров). Такое стремление русских к *состоянию тишины*, осмысляемого именно как *беззвучие*, а не *неподвижность*, вероятно, обуславливается несколькими фактами. Во-первых, самим ходом истории и длительным отсутствием у славянской цивилизации «сопряженности с морем». Именно этой причиной объясняет Е.М. Верещагин, обращаясь к анализу славяно-русской рукописи из собрания Российского Государственного Архива Древних Актов – «Ильиной книге» (XII в.), разницу концептуализации *тишины* в языковой картине мира Древней Руси и Древней Греции [11, с. 304]. Во-вторых, утомлением человека от формирующейся в XIX–XX вв. «качественно новой акустической среды» – целого мира новых звуков, «рожденных современной цивилизацией» [12, с. 77]. Неудивительно, что человек стремится из шумного города на лоно природы, на русские просторы, «над которыми теряется и затихает звук любой силы» [13, с. 25], которые убаюкивают своим великолепием и окутывают тишиной, исцеляющей, дающей силы. *Тишина* в русской языковой картине мира – это совершенно особое состояние, состояние, располагающее к размышлениям, погружению «в себя». *Тишина*, полная величия, устойчиво ассоциируется в русском сознании с умиротворением, покоем. **Например:** Было *тихо, спокойно...* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); В лесу было *тихо* и *покойно*. Утихший к полудню ветер не шевелил ветвями, неподвижно стояли разомлевшие от жары сосны

(Быков. Короткая песня) и другие. В наступившей тишине человек «сливается с миром», прикасаясь к его тайнам. Это есть «обретение Бога, или обретение бесконечности», которыми он обладал в былом единстве с природой [14, с. 125–126].

Подводя итог, отмечаем, что состояния природы в русской языковой картине мира XX века репрезентированы совокупностью средств разных уровней языка. Наблюдатель идентифицирует большинство природных состояний на основе какого-то экстероцептивного ощущения (от внешних раздражителей) – контактного (осязательных) или дистантного (зрительных, слуховых, обонятельных). Однако номинироваться состояние природы может и на основании метафорического переноса состояния человека на состояние природы. Регулярность подобного метафорического переноса свидетельствует, на наш взгляд, о реализации в национальной картине мира XX в. идеи единения человека и мира природы, открытой еще мифологическим и фольклорным мышлением. По способу своего проявления состояния природы не составляют монолитной группы: среди них можно выделить состояния, проявляемые наличием или отсутствием *света*, проявляемые *цветом*, *покрытием*, *наполнением*, распространением *веяний* или *запахов*, изменением *температуры* и т.п.

Ссылки:

1. Курбатова С.А. Образы и представления мира природы в сознании русской языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
2. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
3. Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2002.
4. Кошарная С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород, 2002.
5. Хамитова Э.Р. Концептуальная метафора «природа – человек» в антропоцентрической парадигме исследования // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4.
6. Ржепянская И.В. Русское народное творчество в становлении нравственной культуры Древней Руси. М., 2010.
7. Константинова С.К. Семантика олицетворения. Курск, 1997.
8. Юрикова Н.И. Мифологические, философские и психологические аспекты изучения приема персонализации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 7.
9. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002.
10. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии наименования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6.
11. Верещагин Е.М. Концепт тишины в древнейшей славяно-русской гимнографии // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.
12. Григоренко О.В. Глаголы звучания в русском языке // Русский язык в школе. 1999. № 4.
13. Мещерякова О.А. Семантика перцептивной единицы в художественном тексте // Вопросы филологии. 2008. № 4.
14. Дмитриевская М.А. Природа: язык и молчание (о мирозерцании А. Платонова) // Логический анализ языка: язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М., 1994.

References (transliterated):

1. Kurbatova S.A. Obrazy i predstavleniya mira prirody v soznanii russkoy yazykovoy lichnosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2000.
2. Katsnel'son S.D. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie. L., 1972.
3. Matkhanova I.P. Vyskazyvaniya s semantikoy sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. SPb., 2002.
4. Kosharnaya S.A. Mif i yazyk: opyt lingvokul'turologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira. Belgorod, 2002.
5. Khamitova E.R. Kontseptual'naya metafora "priroda – chelovek" v antropotsentricheskoy paradigme issledovaniya // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2008. Vol. 13. No. 4.
6. Rzhepyanskaya I.V. Russkoe narodnoe tvorchestvo v stanovlenii npravstvennoy kul'tury Drevney Rusi. M., 2010.
7. Konstantinova S.K. Semantika olitsetvoreniya. Kursk, 1997.
8. Yurikova N.I. Mifologicheskije, filosofskie i psikhologicheskie aspekty izucheniya priema personifikatsii // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. No. 7.
9. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar' / ex. ed. S.M. Tolstaya. M., 2002.
10. Ruzin I.G. Kognitivnye strategii naimenovaniya: modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke // Voprosy yazykoznanija. 1994. No. 6.
11. Vereshchagin E.M. Kontsept tishiny v drevneyshey slavyano-russkoy gimnografii // Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta. M., 2002.
12. Grigorenko O.V. Glagoly zvuchaniya v russkom yazyke // Russkiy yazyk v shkole. 1999. No. 4.
13. Meshcheryakova O.A. Semantika pertseptivnoy edinitsy v khudozhestvennom tekste // Voprosy filologii. 2008. No. 4.
14. Dmitrovskaya M.A. Priroda: yazyk i molchanie (o mirosozertsanii A. Platonova) // Logicheskiy analiz yazyka: yazyk rechevykh deystviy / ex. ed. N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtseva. M., 1994.